УДК 340.1

КУЛЬТУРА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

CONSTITUTIONALISM CULTURE AS THE FOUNDATION OF THE LEGAL CULTURE OF CONTEMPORARY SOCIETY

С. Ю. Поярков
Российский университет дружбы народов (г. Москва),
докторант кафедры конституционного права
и конституционного судопроизводства,
кандидат педагогических наук

Аннотация. *В статье обосновывается, что конституционализм в современном правопорядке существует не только как совокупность норм и институтов, но и как культурный режим — система ценностей, ожиданий, навыков и практик, делающих ограничения публичной власти «обычным» и социально поддержанным состоянием.*

Ключевые слова: *конституционализм, правовая культура, конституционная культура, верховенство права, легитимность, конституционная мораль, конституционный дискурс.*

Annotation. *The article argues that constitutionalism in the contemporary legal order exists not only as a set of legal norms and institutions, but also as a cultural regime — a system of values, expectations, skills, and practices that make limitations on public power an «ordinary» and socially supported state of affairs.*

Keywords: *constitutionalism, legal culture, constitutional culture, the rule of law, legitimacy, constitutional morality. constitutional discourse.*

Конституционализм традиционно описывают как идею юридического ограничения власти и связывания ее легитимности соблюдением этих ограничений [1; 2]. Однако практический опыт разных государств показывает: наличие конституционного текста и даже развитой системы органов еще не гарантирует устойчивого ограничения произвола. Проблема — в «промежутке» между нормативной архитектурой и реальной практикой: он заполняется культурными установками участников правопорядка (граждан, чиновников, судей, юристов, медиа), которые либо поддерживают конституционные ограничения как норму, либо превращают их в риторику.

В этом смысле ключевым становится понятие культуры конституционализма: устойчивого набора ценностных ориентиров и практик, которые делают конституционные принципы реально действующими (в том числе тогда, когда это неудобно власти или большинству). Такая культура является «несущей

конструкцией» правовой культуры современного общества, потому что именно она определяет:

а) что считается допустимым действием власти;

б) как граждане понимают свои права и способы их защиты;

в) насколько конфликт вокруг ценностей перерабатывается в правовые процедуры, а не в насилие или произвол.

Конституционализм как ограничение произвола и как режим легитимности. В базовом понимании конституционализм направлен на предотвращение произвольного управления и задает механизмы, определяющие, «кто может править, как и для каких целей» [2]. Философско-правовая перспектива подчеркивает: власть считается легитимной, если она наблюдает юридически значимые ограничения, а сами ограничения должны быть достаточно «укоренены», чтобы не быть снятыми теми же субъектами, чья власть ограничивается [1].

Правовая культура как «переменная эффективности права». В социолого-правовой традиции правовая культура понимается как сеть ценностей и установок, определяющих, когда и зачем люди обращаются к праву или отворачиваются от него, какие институты реально используются и почему. Это принципиально: эффективность правовых норм зависит не только от текста, но и от того, насколько социальные группы привычно «живут по правилам» и признают правовые способы разрешения конфликтов [3].

Конституционная культура как практика аргументации и взаимодействия. Внутри правовой культуры выделяется конституционная культура — поле взаимодействия граждан и должностных лиц, в котором формируются смыслы конституции и правила конституционного спора [4]. Важная особенность: конституционная культура не устраняет конфликт ценностей, но канализирует его, задавая язык и «семантические ограничения» аргументации — спор должен вестись как спор о смысле общего конституционного основания, а не как чистая борьба сил. Отсюда вытекает базовый тезис: культура конституционализма — это «ядро» правовой культуры, потому что она задает стандарты непроизвольности власти, институциональные привычки соблюдения процедур и публичный язык легитимного несогласия.

Чтобы операционализировать понятие, целесообразно рассматривать культуру конституционализма как многослойную систему.

1. Аксиологический уровень (ценности, которые ограничивают власть). Это прежде всего достоинство личности, равенство, запрет дискриминации, справедливость процедур, признание автономии частной сферы. В логике «верховенства права» ценности закрепляются через требования законности, правовой определенности, недопущения злоупотребления полномочиями, равенства и доступа к правосудию [5]. Если ценности не разделяются социально

(или заменяются «целесообразностью», «политической необходимостью»), конституционные ограничения деградируют до декорации.

2. Когнитивный уровень (знание конституции и понимание процедур). Речь не о формальном знании статей, а о базовой компетентности: как устроены разделение властей, контроль и ответственность, как подаются жалобы, что такое пропорциональность, почему процедура важна даже при «правильной» цели. Здесь критично различие между «правом как текстом» и «правом как процессом»: право действует через процедуры и роли, а конституционная культура задает ожидания надлежащего поведения участников.

3. Поведенческий уровень (привычки конституционного поведения). Он включает: добровольное соблюдение правил, готовность оспаривать решения власти правовыми средствами, неприятие коррупции и «телефонного права», практику мирного публичного несогласия в рамках закона. Это как раз тот слой, который в социологии права трактуется как решающий для «жизнеспособности» правовой системы.

4. Институционально-процедурный уровень (реально работающие «сдержки и противовесы»). Он выражается в независимом суде, транспарентности решений, исполнимости судебных актов, предсказуемости правоприменения, добросовестности административных процедур. Важный риск — подмена верховенства права «правлением посредством закона»: формально действие власти «разрешено законом», но закон используется как инструмент произвола. Такой подлог прямо отмечается в стандартах верховенства права: rule by law трактуется как искаженная версия rule of law [5].

5. Коммуникативный уровень (конституционный дискурс как способ общественной интеграции). Конституционная культура предполагает, что общество умеет обсуждать конфликтующие ценности через общий «репертуар» аргументов — историю, принципы, нарративы и общие обязательства. На этом уровне работают юридический язык публичной политики, качество парламентских дебатов, стандарты медиа, этика должностных лиц, культура публичного объяснения решений судами и администрацией.

Эти уровни взаимосвязаны: институты без ценностной поддержки становятся ритуалом; ценности без процедур превращаются в лозунги; знания без поведения остаются «правовой грамотностью без правовой субъектности».

Механизмы формирования культуры конституционализма:

1. Профессиональная социализация юридического сообщества: качество юридического образования, этика профессии, стандарты судебного письма и правовой аргументации, роль доктрины. Именно через «профессиональные фильтры» общественные конфликты переводятся в правовые категории (или не переводятся).

2. Публичная аргументация и «конституционное обучение» общества. Конституционная культура функционирует как практика аргументации, которая одновременно разрешает спор и дисциплинирует его, заставляя выражать требования на языке публичных ценностей. Это создает особую форму интеграции: единство не как отсутствие разногласий, а как способность спорить внутри «общего конституционного горизонта».

3. Институциональные гарантии верховенства права, которые формируют поведенческие ожидания. Набор принципов (законность, определенность, предотвращение злоупотреблений, равенство, доступ к правосудию) в международных стандартах используется как инструмент оценки и самоконтроля. Когда эти принципы реально применяются, они постепенно меняют поведение акторов: повышают стоимость произвола и снижают «выгодность» неформальных практик.

4. Гражданское участие и социальные движения. Конфликты вокруг прав и статуса групп не разрушают конституционную систему автоматически, при наличии конституционной культуры они становятся источником эволюции конституционных смыслов в легитимных формах.

5. Символическая интеграция через конституционные ценности. Идея «конституционного патриотизма» показательно фиксирует культурный аспект: привязанность не к этническому или имперскому образу «нации», а к «живой конституции» и конституционному государству как форме «общего дома». Это не «замена» политики моралью, это способ стабилизировать легитимность в условиях плюрализма.

Сравнительный ракурс: три иллюстрации культурного измерения.

1. Конституционное «общегражданское» основание. Концепт конституционного патриотизма показывает, как культурное принятие конституции может стать компенсатором расколов и травм. В формуле о «живой конституции» и «конституционном государстве как виде отечества» фиксируется именно культурный механизм легитимации: привязанность к процедурам и принципам, а не к силе или мифу. Важно, что дискуссия вокруг этого понятия разворачивается и как спор о границах национально-культурной идентичности (в том числе через интерпретации J. Habermas), т. е. о том, что именно общество считает «своим» и достойным лояльности.

2. Конституционная мораль как культурный «иммунитет» к дискриминации. Показателен тезис о необходимости «распространения конституционной культуры и обучения конституционной морали» в решении Supreme Court of India по делу Navtej Singh Johar (2018), где суд связывает устойчивость конституционализма с практиками общественного поведения, а не только с формальными нормами [6]. Отсылка к идее constitutional morality (восходящей

к B. R. Ambedkar и дебатам о конституционном строительстве) демонстрирует: культурный слой конституционализма нужен, чтобы меньшинства и непопулярные группы не зависели от переменчивой воли большинства.

3. Постсоветский контекст: неоднородность культуры и риск «квазиконституционализма». В исследованиях 2020-х гг. постсоветское пространство чаще описывают как спектр траекторий, а не как единый «дефицит»: наряду с примерами институционального обновления и попытками расширять участие граждан в конституционной модернизации сохраняются модели гиперцентрализации и «конституционного ускорения», при которых конституционные изменения становятся инструментом быстрой политико-правовой перенастройки режима [7; 8]. В этом подходе культура конституционализма понимается не как «наличие/отсутствие», а как степень превращения конституционных ценностей и процедур (правовая определенность, разделение властей, судебная защита, понятные стандарты аргументации) в устойчивые профессиональные и гражданские ожидания; часть доктрины показывает, что «аксиологический слой» конституции может усиливаться и через дискурс конституционных ценностей/традиций, но его практическая «проверка» всегда происходит на уровне процедур и независимых институтов [9].

Из этих примеров следует общий вывод: там, где культурный слой недостаточно развит, возникает разрыв между «конституцией как символом» и «конституцией как режимом ограничений», а вакуум заполняется популизмом, олигархизацией и «упаковкой» произвола в юридические формы.

Культура конституционализма — это не «добавка» к правовой системе, а ее внутренний двигатель. В ней сходятся три измерения современного правового общества:

1) ценностное (почему власть должна быть ограничена и что считается произволом);

2) институциональное (какие процедуры реально работают и почему им подчиняются);

3) коммуникативное (как общество спорит о будущем, оставаясь в рамках общего конституционного основания).

Поэтому развитие правовой культуры в целом логично начинать с укрепления культуры конституционализма: от правового образования и профессиональной этики до прозрачности процедур, независимости судов и производства публично убедительной конституционной аргументации.

---

1. Wil Waluchow. Constitutionalism [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy : [website]. URL: https://plato.stanford.edu/entries/constitutionalism/ (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Constitutionalism [Electronic resource] // Britannica : [website]. URL: https://www.britannica.com/topic/constitutionalism (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Friedman L. M. Legal Culture and Social Development // Verfassung und Recht in Übersee. 1969. Vol. 2, № 3. P. 261–274. Вернуться к статье

4. Siegel R. B. Constitutional Culture, Social Movement Conflict and Constitutional Change: The Case of the De Facto ERA [Electronic resource] // California Law Review. 2006. Vol. 94, № 5. P. 1323–1419. URL: https://www.jstor.org/stable/20439068 (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Rule of Law Checklist [Electronic resource]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282016%29007-e (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Supreme Court of India Navtej Singh Johar vs Union Of India Ministry Of Law And ... [Electronic resource] : 6 September, 2018 : Writ Petition (Criminal) № 76 of 2016 Navtej Singh Johar & Ors. // Supreme Court of India. URL: https://translaw.clpr.org.in/wp-content/uploads/2018/10/Navtej-Johar-v.-Union-of-India.pdf (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Küpper H. Paradigms of Analysis in Post-Soviet Constitutionalism // Nagoya University Asian Law Bulletin. 2021. Vol. 6 (March). P. 97–106. Вернуться к статье

8. Масловская Т. С. Конституционная модернизация в государствах СНГ: тенденции и динамика последних пяти лет // Изв. Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2024. № 5 (146). С. 82–87. Вернуться к статье

9. Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2021. № 5. С. 24–47. Вернуться к статье